

Общая газ. - 1996. - 21 апреля - с. 10.
Только кажется, что в словесности ничего не происходит

В перестроечное время, когда с одинаковым усердием потреблялась вся печатная продукция, читателя было трудно чем-либо удивить. Рассказы Дмитрия Бакина «Два брата» и «Лагофтайм» в журнале «Огонек» — ошеломляли. Брошюра рассказов в библиотечке «Огонька» не разочаровала. Стало ясно, что в литературу мощно двинулся новый писатель. При этом он никого не потеснил, потому что не смешался ни с одним профсообществом. Он вообще не материализовался — ни в «портретах на фо-

не», ни в интервью, ни в литературных слухах. Известно только, что он работает то ли таксистом, то ли шофером грузовика и, кажется, профессию менять не собирается. Хотя, как пишет Михаил Синельников в своем кратком послесловии к книге, образ жизни Бакина в радиопередаче «Свободы» назван «литературным самоубийством».

Но, судя по всему, чужое мнение Бакину не очень интересно. Во всяком случае, его героев оно не волнует нисколько. Это «толпа одиноких», в основном мужчин, движущихся по «невидимым рельсам судьбы с ледяным, но ненавязчивым презрением»: «Бедолагин, не принимавший участия в играх, которые устраивали его сверстники, желавшие испытать судьбу, все более замыкался в себе, предпочитая внешней жизни внутреннюю, но все дороги, по которым он шел к призрачным целям, способным утолить жажду познания, были прочь» («Листья»).

Драма потерянности, ненужности, ранней опустошенности касается всех его персонажей. В рассказах (их всего семь) нет прямого столкновения личности и общества, общество — любое — априори противостоит индивидуальности, сколь бы примитивной она ни казалась постороннему взгляду. Писатель дробит психологию героев, жизнь которых сюжетно соткана из молчаливой любви и молчаливой ненависти, на множество оттенков, трудно воображаемых в непроницаемой душе и плохо различимых под грубой оболочкой. Так, например, утробная жадность Крайнова («Землемер») — это потребность более сложного свойства: «За каким чертом ей сейчас конфеты и печенье, если я еще жив и могу ее прокор-

мить». Она берет истоки в стремлении к безграничной власти в своей семье, а та, в свою очередь, питается необходимостью личной ответственности. Коллизия: отдать пятерку охотничьих взносов — несправедливых, по его разумению, — за ружье или само ружье он воспринимает как покушение на его свободу и в отчаянии от того, что должен уступить ее, отдает ружье.

Свобода выбора оставлена писателем каждому, даже если этот выбор ведет к убийству. Для героя «Корней и листья» не отомстить за изнасилование дочери — вещь немислимая. Человек у Бакина — жертва самого себя, своей природы, «сердца, находящегося в конфликте с самим собой», по слову Фолкнера. Тень американца, заявившего проблему «выбора между жизнью-мучительством и ничто», витает над прозой Бакина, проступая и в сюжетах, и в стиле. В его рассказах-притчах отсутствует прямая речь, герои погружены в молчание, что лишь подчеркивает напряженную сложность их взаимоотношений. Речь же автора отличается слитностью внутреннего монолога, событийного повествования и поэтической приподнятости. Контраст между приземленностью сюжетов, обнаруживающих емкость содержания с полнотой, достаточной для романа, и их экзистенциальным осмыслением, опрокидывает обычную снисходительность к «простым» явлениям. Таких не бывает. Проза Дмитрия Бакина возвращает литературе право говорить о жизни всерьез.

Ольга ТИМОФЕЕВА